

полезное для западнаго, а во многомъ и для русскаго читателя общее руководство къ пониманію иконописнаго искусства. Она не очень дѣлана, написана въ высшей степени ясно и просто, снабжена различными указателями, немногими, но отлично подобранными иллюстраціями, а также довольно обширнымъ предисловіемъ голландскаго языковѣда проф. Теодора Бадера, обнаруживающимъ большое вниманіе и большую любовь къ Россіи, русской церкви и русскому искусству.

Работа г. Гаккеля раздѣлена на три части. Въ первой онъ представляетъ икону какъ художественное произведеніе, останавливается на ея техники, на ея живописныхъ приемахъ, говоритъ о главныхъ центрахъ ея процвѣтанія, Киевѣ, Владимірѣ, Новгородѣ, Москвѣ; во второй — онъ подводитъ читателя къ религиозному содержанию иконы, къ основнымъ ея темамъ, къ ея мѣсту въ богослуженіи и церковной жизни; въ третьей, наиболее самостоятельно продуманной, рассматриваетъ ее какъ символъ, т. е. изучаетъ ея религиозный смыслъ. Здѣсь онъ даетъ превосходный анализъ знаменитой рублевской «Троицы», справедливо выбранной въ качествѣ гениальнаго и особо показательнаго образца русскаго иконописнаго искусства.

Надо быть благодарнымъ автору за всесторонность его подхода къ темѣ: внѣ церковнаго смысла иконы не открывается въ должной полнотѣ и художественный ея смыслъ. Хомяковъ писалъ девяносто лѣтъ тому назадъ: «Икона не есть религиозная картина, точно такъ же, какъ церковная музыка не есть музыка религиозная... Икона въ христіанствѣ возможна только въ церкви, въ единствѣ церковнаго созерцанія». Искусства иконы Хомяковъ еще не зналъ, но слова его остаются вѣрны и даже приобретаютъ болѣе глубокой смыслъ теперь, когда мы его узнали. Книга г. Гаккеля тѣмъ и хороша, что она возсоединяетъ тѣ двѣ неразрывныя стороны этого искусства, разобщать которыя такъ опасно для его пониманія.

В. Вейдле.

Н. А. Реймерсъ. Дедукція понятія движенія въ примѣненіи къ вопросу о подвижности земли. Парижъ. 1937. — Проф. К. І. Зайцевъ. Основы этики. Выпускъ I. Харьковъ. 1937. — Левъ Закутинъ. О чувствахъ и чувственности. «Космосъ», Парижъ, 1937. — *Fanny Louitzky. Soeren Kierkegaard. Etude psychanalytique. Denvêl et Steele. Paris. 1937.*

Четыре книжки эти относятся всѣ хотя и по разному къ области философіи и свидѣтельствуютъ во всякомъ случаѣ о живомъ интересѣ къ ней.

Работа г. Реймерса болѣе специальна и терминологически строга; она посвящена критикѣ того, что авторъ считаетъ основнымъ пунктомъ кантовской механики. Написана она нѣсколько косноязычно, не столько въ литературномъ, сколько въ философскомъ отношеніи; въ ней чувствуется, однако, настоящая работа мысли.

Книга К. І. Зайцева — пособіе къ лекціямъ, читавшимся имъ въ Харьковскомъ университетѣ. Лекціи эти рассчитаны повидимому на не

очень подготовленную аудиторию. Принимая это во внимание, слѣдуетъ признать, что въ педагогическомъ отношеніи онѣ превосходны. Первый выпускъ посвященъ древней философіи или вѣрнѣе мудрости (ибо такова точка зрѣнія автора и для его цѣлей она вѣроятно плодотворна) Платона и Аристотеля, стоиковъ и эпикурейцевъ.

«О чувствѣ и чувственности» Л. Закутина—цѣлая философская система, изложенная въ афористической манерѣ и не слишкомъ самостоятельная, однако и не вовсе безличная. Авторъ какъ бы хотѣлъ, походячему выраженію, «привести въ порядокъ свои мысли». Слѣдя за тѣмъ, какъ онъ это дѣлаетъ, читатель быть можетъ наведетъ кое-какой порядокъ и въ своихъ. Нѣкоторыя формулировки г. Закутина удачны. Чужое онъ во многихъ случаяхъ продумалъ самъ.

Исслѣдованіе г-жи Ловцкой страдаетъ обычными недостатками ортодоксальныхъ психоаналитическихъ писаній: оно навязываетъ готовую схему не слишкомъ охотно подчиняющейся ей дѣйствительности. Однако біографія Киркегора и его писанія авторъ изучилъ хорошо и частично его наблюденія интересны. Да и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и психоанализъ этого едва ли не самаго страннаго изъ людей не разгадалъ.

В. В.

Д. Мережковский. Францискъ Ассизскій. Петропольскъ. 1938.

Послѣ книги объ «Исусѣ Неизвѣстномъ» Мережковский задумалъ серію книгъ о святыхъ: уже появились «Павель и Августинъ»; только что вышло жизнеописаніе Франциска Ассизскаго; обѣщана «Жанна д'Аркъ». Серія объединена общимъ заглавіемъ: «Лица святыхъ отъ Иисуса къ намъ». Идея, руководящая авторомъ въ истолкованіи духовнаго опыта избранныхъ имъ святыхъ, раскрыта на послѣдней страницѣ книги «Францискъ Ассизскій». «Третье царство Духа, пишетъ Мережковский, возможно и для такихъ, какъ мы, потому что и въ такомъ человѣчествѣ, каково оно сейчасъ, совершается черезъ святыхъ шестіе Духа отъ Иисуса къ намъ». «Шестіе Духа» идетъ отъ Второго Завѣта къ Третьему, отъ Царства Сына къ Царству Духа, отъ Евангелія «временнаго» къ Евангелію «вѣчному».

Въ первой главѣ книги о Францискѣ Ассизскомъ авторъ съ большимъ проникновеніемъ излагаетъ ученіе о Третьемъ Завѣтѣ Калабрійскаго аббата Іоакима дель Фьоре. Истина, еще не открытая Сыномъ во Второмъ Завѣтѣ, будетъ открыта Духомъ въ новомъ, грядущемъ Его откровеніи. Послѣ Царства Сына наступитъ Царство Духа — свободы. Изложеніе этого ученія проникнуто у Мережковского такимъ личнымъ чувствомъ, такимъ искреннимъ влodenіемъ, что читатель не можетъ сомнѣваться: вѣра Іоакима дель Фьоре есть вѣра самого автора. И въ свѣтѣ этой вѣры показываетъ онъ намъ образъ Умбрійскаго святого, «божьяго жонглера», «французика» Франциска.

Съ большимъ искусствомъ пользуется авторъ скудными и часто противорѣчивыми данными исторіи и легенды, воссоздавая «духов-